

Milena KIPERKatedra Filologii Rosyjskiej
Uniwersytet Rzeszowski**О ВЫРАЖЕНИИ СТРАХА
ЛЕКСЕМАМИ С КОРНЕМ СТРАХ /
СТРАШ- (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК)****Ключевые слова:** страх, выражение эмоций, русский и польский языки

С точки зрения психологии страх – это одна из фундаментальных эмоций, которая «складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» (Изард 1999: 293).

Имеется большое количество лингвистических работ, посвященных эмоциям (см., например, Апресян 2010, Вежбицка 1971, Borek 2012, Nowakowska-Kempna 1986, Spagińska-Pruszek 2005). Анна Вежбицка, говоря о страхе, выделяет три основных семантических компонента этого понятия: вероятность, вред, нежелание. Она приводит следующую экспликацию страха: ‘Если я боюсь $A = 1$. я считаю, что A может случиться; 2. я воспринимаю A как что-то плохое для меня; 3. я не хочу, чтобы A случилось’ (Wierzbicka 1971: 38–39) (перевод – М.К.).

К одной лексико-семантической группе имен существительных вместе с эмоцией страха можно отнести лексемы: *боязнь, беспокойство, испуг, беспокойствие, опасение, опаска, озабоченность, паника, перепуг, переполох, смятение, страсть, смущение, смута, треволение, трепет, тревога, ужас, ужасность, волнение, жуть, жуткость* (Spagińska-Pruszek 2005: 66–69).

В словаре синонимов русского языка лексема *страх* толкуется как: ‘неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над

которой не имеет контроля' (Новый 2003: 1109). В польском языке *strach* имеет эквиваленты: *strach, lęk* (Wielki 2015a: 779): *strach* – 'silne i nieprzyjemne uczucie, jakiego doznajemy w sytuacji jakiegoś zagrożenia, czasem objawiające się przyśpieszonym biciem serca i drżeniem ciała' (Inny II 2000: 696), *lęk* – 'uczucie strachu, często doznawane bez wyraźnej przyczyny i zwykle przez dłuższy okres czasu' (Inny I 2000: 762).

В настоящей статье анализу подвергаются конструкции с однокоренными лексемами *strach, страшно* и *страшный*, которые служат средством выражения эмоции страха в русском языке¹. Фактический материал отобран из русской художественной литературы и ее перевода на польский язык². Способ вербального выражения страха в тексте оригинала сравнивается со способом выражения данной эмоции в тексте перевода.

Лексема *страшно* в сочетании с дательным субъекта приобретает следующее смысловое значение: 'О чувстве страха, испытываемом кем-либо' (Большой 2008: 1278)³. См.: *Ему было так страшно, что в другое время он, может быть, выскочил бы из дому и закричал* (Катаев) (Mały). Она образует типичную для русского языка наречно-предикативную модель предложения со значением психического состояния субъекта⁴, напр.:

[1] – [...] Я болен. **Мне страшно.**

– [...] Jestem chory. **Bardzo się boję.** (Булгаков)

[2] – Лара, **мне страшно** назвать тебя, чтобы вместе с именем не выдохнуть души из себя.

– Laro, **boję się** wymówić twoje imię, żeby wraz z nim nie wyzionąć ducha. (Пастернак)

[3] – Как бы мне под ножом не кончиться. **Страшно...**

– Byle nie umrzeć pod nożem. **Boję się...** (Солженицын)

В приведенных фрагментах психическое состояние говорящего передается предикативом⁵ *страшно*. В примере [3] дательный субъекта имплицитно

¹ Об отличии выражения эмоций от сообщения о них см. Гак 1997: 87–95.

² Источники материала приводятся в конце статьи.

³ Предикаты типа *страшно* способны самостоятельно обозначать состояние субъекта – вместе с дательным субъекта они могут образовывать полные предложения (Брицын 1999: 107).

⁴ С.Н. Цейтлин выделяет шесть основных моделей, которые могут служить средством выражения психического состояния субъекта в русском языке: 1) глагольная модель (*Я волнуюсь*), 2) наречно-предикативная модель (*Мне грустно*), 3) субстантивная модель (*У меня тоска*), 4) адъективная модель (*Я счастливый*), 5) причастная модель (*Я взволнован*), 6) предложно-падежная модель (*Я в восторге*) (1976: 161).

⁵ В литературе такие лексемы определяются разными терминами: предикативы, слова категории состояния, предикативные наречия. Они называют психические состояния и выполняют предикативную функцию в предложениях без субъекта, выраженного именительным падежом. (См. Розенталь, Теленкова 1976: 143–144; Mocarz 2005: 15–23).

тен, но он подразумевается как форма *мне*, которая употребляется и в двух предыдущих примерах. Лексема, называющая эмоцию страха, употребляется в функции именной части составного именного сказуемого (связка пропускается).

В примерах [1] и [2] причина страха высказывается в том же предложении, в котором содержится лексема, называющая психическое состояние субъекта речи. Во фрагменте [3] каузатор выявляется не в предложении с лексемой, обозначающей эмоцию (*Страшно...*), но в предыдущей фразе (*Как бы мне под ножом не кончиться.*), т.е. субъект речи сначала определяет причину своих эмоций, а потом называет их.

В польском переводе во всех примерах применяется форма первого лица единственного числа глагола *bać się* (кроме того, в примере [1] появляется наречие *bardzo* – интенсификация чувства). Согласно русско-польскому словарю, это польский эквивалент конструкции *мне страшно* (Wielki 2015a: 779). Однако следует отметить, что несмотря на семантическое сходство, формы, использованные в русском и польском текстах, не вполне совпадают. В оригинале это наречно-предикативная, т.е. «пассивная» модель (субъект в дательном падеже + предикат в «безличной» форме среднего рода), а в переводе – глагольная модель (глагол в личной форме), которая является «активной»⁶. Глагольная модель не только называет состояние, в ней отражается также активность субъекта, испытывающего это состояние (Цейтлин 1976: 166).

Смотри также:

[4] Жениться можно на Ксане. [...] А можно – на Инне Штрем. Немного **страшно**, что ей только восемнадцать лет. Но ведь это и тянет!

Można by ożenić się z Ksaną. [...] A może Inna Sztrem? Trochę **glupio**, ma dopiero osiemnaście lat. Chociaż... Urok młodości... (Солженицын)

[5] – Ах, не говори так, Андрей: **мне страшно** и больно слушать!

– Ach, nie mów tak, Andriej, **to straszne** i bolesne, gdy się tego słucha. (Гончаров)

[6] – Итак, ты меня прощаешь... Но знаешь ли ты, что я сам не могу простить себе? Больше мне ничего не должно таить от тебя, и я тебе сознаюсь: **мне страшно** того, что я совершил.

– Tak więc wybaczasz mi... Ale, czy ty wiesz, że ja sam sobie nie mogę wybaczyć? Nie mam już nic do ukrywania przed tobą i muszę ci wyznać: **przeraża mnie** to, co uczyniłem. (Брюсов)

В данных примерах эмоция страха также передается наречно-предикативной моделью *мне страшно*, однако в переводе на польский язык

⁶ О передаче эмоций активным и пассивным способами см. Вежицка 1996: 42–47.

появляются существенные различия. В примере [4] хотя сохраняется форма предикатива, но смысловое значение употребленной лексемы не соответствует семантике русского *страшно*. Польский предикатив *głupio* обозначает не страх, а совсем другое чувство: ‘Jeśli czujemy się głupio lub jeśli jest nam głupio w jakieś sytuacji, to ta sytuacja jest dla nas niezręczna, np. dlatego, że wstydzimy się czegoś złego, co zrobiliśmy: *Głupio mi się zrobiło, kiedy mnie zapytali o pieniądze*’ (Inny I 2000: 458). В следующем фрагменте [5] в переводе появляется имя прилагательное *straszny* – эта лексема в польском языке называет в числе других эмоцию страха: ‘Coś, co jest straszne, 1.1. budzi strach: *Chwilami nachodzą mnie straszne myśli*’ (Inny II 2000: 698). В последнем из вышеприведенных примеров переводчик употребляет глагол *przerazić* (в сочетании с винительным падежом личного местоимения *mnie*), в результате чего страх героя передается как очень сильная эмоция, возникающая внезапно: ‘Jeśli przeraziła nas jakaś osoba, rzecz, sytuacja itp., jeśli przeraziło nas, że coś się dzieje, lub jeśli przerażiliśmy się czymś, to nagle ogarnął nas paniczny strach z tego powodu’ (Inny II 2000: 327). Лексема *przerazić* в русском языке имеет эквиваленты: *приводить в ужас/ужасать, устрашать/пугать* (Wielki 2015b: 529).

В примере [7] страх субъекта речи выражается не непосредственно, а путем сравнения:

- [7] Павел Николаевич достал зеркальце и посмотрел. Ух, как же её (опухоль) разносило! Посторонними глазами и то **страшно** на неё взглянуть – а своими?! Ведь такого не бывает! Вот кругом ни у кого же нет! Да за сорок пять лет жизни Павел Николаевич ни у кого не видел такого уродства!..
Paweł Nikolajewicz spojrział w lusterko. Ależ to rośnię! **Strach** patrzeć! Zwłaszcza własnymi oczami. Przecież coś takiego nie może istnieć! Nikt nie ma takiego guza! Przez czterdzieści pięć lat życia Paweł Nikolajewicz ani razu nie spotkał się w równie odrażającą chorobą! (Солженицын)

Говорящий использует лексему *страшно* для описания эмоций третьего лица (здесь подразумевается потенциальное лицо и потенциальная ситуация). Павел Николаевич хочет подчеркнуть, что если постороннему человеку смотреть на его опухоль страшно, то у него самого не могут возникнуть иные чувства. Причем страх большого намного больше, так как болезнь и все связанные с ней угрозы и страдания непосредственно касаются именно его. Внутренняя речь героя (данный фрагмент представляет собой мысли персонажа)⁷ очень экспрессивная. Он употребляет восклицательные

⁷ Это несобственно-прямая речь. Отсюда и соответствующие грамматические формы (для этого типа речи характерна точка зрения автора, местоимения употребляются в третьем лице, а глагольные временные формы зависят от временного плана повествования). О несобственно-прямой речи см. Домашнев 1989: 107–114.

предложения (напр., *Ух, как же ее разносило!*), эмоционально-экспрессивные частицы (*же, ведь, вот, да*), междометие (*ух*), эмоционально окрашенную лексику (*уродство*). В польском переводе чувство страха называет лексема *strach*, а ее сочетание с инфинитивом *patrzeć* является эквивалентом русской конструкции *страшно взглянуть* (Wielki 2015a: 779).

Чтобы передать чувство страха, говорящий может использовать также имя прилагательное *страшный*: ‘Вызывающий, внушающий чувство страха’ (Большой 2008: 278). В таких случаях, чтобы выявить истинную эмоцию, обязательно надо учесть весь контекст, так как лексема *страшный* имеет и другие смысловые значения (См. там же). Ср.:

[8] А главное и **страшное** было то, что опухоль ничуть не опала и ничуть не размягчилась от вчерашнего укола. И при мысли об этом холодело в животе.

Najważniejsze zaś i **najstraszniejsze** było to, że guz ani trochę nie zmiękł i nie zmałał po wczorajszym zastrzyku. Na myśl o tym Rusanowa przenikał lodowaty dreszcz. (Солженицын)

Здесь снова представлены мысли героя, т.е. внутренняя речь⁸. Эмоции говорящего выражаются посредственно. Каузатор содержится в предложении с лексемой, называющей чувство (*страшный*). Страх у героя вызывает тот факт, что после укола ничего не изменилось. О том, что субъект речи переживает именно страх, свидетельствует следующая фраза: *И при мысли об этом холодело в животе*. – соматическое проявление страха. В переводе на польский язык для передачи эмоций употребляется превосходная степень имени прилагательного *straszny: najstraszniejsze*. Эта форма семантически вполне соответствует лексеме, называющей чувство героя в русском тексте. Хотя в оригинале имеется положительная степень (*страшное*), то предшествующая лексема (*главное*) и контекст, указывают на именно такое, а не иное, смысловое значение данного имени прилагательного, посредством которого передается эмоция страха, т.е. на самую высокую степень проявления признака.

В фактическом материале при выражении анализируемой нами эмоции появляется также имя существительное *страх*:

[9] Испарина выступила у Павла Николаевича. Только сегодня к утру он успокоил себя, что все **страхи** – пусты, и вот...

Zimny pot oblał Pawła Nikolajewicza. A przecież jeszcze dziś nad ranem uspokoił, przekonał samego siebie, że nie ma **się** czego **bać**. A tu... (Солженицын)

В приведенном примере изображен отрывок несобственно-прямой речи. Из более широкого контекста следует предполагать, что герой боится данных политических изменений, так как они предвещают новый режим.

⁸ В этом случае несобственно-прямая речь.

Говорящий не выражает свои эмоции непосредственно, но тем не менее он употребляет лексему, называющую их: *Только сегодня к утру он успокоил себя, что все страхи – пусты, и вот...* Сочетание союза *и*, частицы *вот* и многоточия (незаконченность высказывания) подтверждает наличие страха у персонажа – таким образом он отрицает, что *все страхи пусты*, т.е. он боится. В польском тексте это передается непосредственно предложением с эмотивным глаголом *bać się* и модальным глаголом *mieć*. Семантически перевод соответствует оригиналу.

Особого внимания заслуживает также следующий пример:

[10] Он все больше волновался, подходя к её дому. Это был самый настоящий **страх!** – но счастливый **страх**, измиращая радость. От одного **страха** своего – он уже был счастлив сейчас!

W miarę zbliżania się do celu ogarniało Olega coraz większe zdenerwowanie. Czuł najprawdziwszy **strach!** – ale szczęśliwy **strach**, omdlewająco-radosny! I szczęście było w tym **strachu!** (Солженицын)

В приведенном тексте появляется нетипичное словосочетание – *счастливый страх*. Эта антитеза показывает, насколько разные эмоции одновременно испытывает персонаж. Счастье и страх – на первый взгляд, казалось бы, два противоположных понятия, два противоположных чувства, которые несовместимы. Надо отметить, что страх может смешиваться с другими эмоциями. Правда, чаще всего он возникает вместе с эмоциями, которые мы воспринимаем как отрицательные, но сколько же раз мы радовались чему-то и в этот же момент мы боялись этого. Так и наш герой. Он хочет встретиться с женщиной, он счастлив, что увидит ее, однако ему страшно – он не знает, как пройдет эта встреча. Его страх смешивается и с радостью, *измиращою* радостью, т.е. эта эмоция охватывает всю его душу, а даже тело. Здесь явно проявляются очень сильные эмоции. Стоит еще подчеркнуть, что «приятные» чувства – счастье и радость не отрицают истинность страха: *Это был самый настоящий страх!* Более того, страх кажется причиной счастья персонажа: *От одного страха своего – он уже был счастлив сейчас!* Итак, анализируемая нами эмоция представляется как положительная – как волнение, ожидание чего-то нового, неизвестного, но желанного. Вышеприведенный пример представляет собой отрывок несобственно-прямой речи⁹. Голос героя проявляется в экспрессии высказывания (восклицательные предложения; оценочная лексика: *самый настоящий страх, счастливый страх, измиращою радость*). Переводчик относит причастие *измиращою* не к радости, а к страху, заменяя эту лексику сложным атрибутивным членом *omdlewająco-radosny*, определяющим эмотив

⁹ Форма третьего лица и прошедшее время обусловлены спецификой несобственно-прямой речи, см. ссылка 7.

страх. Учитывая специфику взаимоотношения всех вышеуказанных чувств, т.е. их тесную связь и близость их значения (в этом случае их противоположность лишь мнимая), можно сказать, что польский перевод соответствует по смыслу тексту оригинала.

В анализируемом нами материале при выражении эмоции страха в русском языке среди однокорневых лексем появляются: предикативы *страшно* (польские эквиваленты – *bać się, przerażać, straszny, głupio, strach*) и *страх*¹⁰ (польские эквиваленты – *bać się, strach*), прилагательное *страшный* (в польском переводе – *najstraszniejszy*).

Сопоставляя русский и польский тексты, следует обратить внимание на перевод конструкции *кому-то страшно*. Эта наречно-предикативная модель довольно часто употребляется для выражения страха в русском языке (дательный субъекта иногда имплицитен). В польском языке нельзя сказать: *Jest mi strasznie!*; но возможно: *Straszno mi trochę, że...*, причем конструкция эта появляется только в книжной речи (См. Inny II 2000: 698). Переводчики передают смысл оригинала следующим образом: *Я болен. Мне страшно. – Jestem chory. Bardzo się boję.* [1]; *Лара, мне страшно назвать тебя – Laro, boję się wtyłówić twoje imię* [2]; *Страшно – Boję się.* [3]; *Немного страшно – Trochę głupio* [4]; *мне страшно и больно слушать! – to straszne i bolesne, gdy się tego słucha.* [5]; *мне страшно того, что я совершил! – przeraża mnie to, co uczyniłem.* [6]; *страшно на неё взглянуть – Strach patrzeć!* [7]. Можно сказать, что лишь в одном примере переводчик не справился со своей задачей: употребленный им предикатив *głupio* не соответствует по смыслу лексеме из оригинального текста. Видимо, переводчик по-другому воспринял переживания героя – он не увидел в них страха.

Источники материала

- Брюсов В.Я., *Последние страницы из дневника женщины* [в:] В.Я. Брюсов, 2008, *Моцарт*, Москва.
- Булгаков М.А., 1984, *Мастер и Маргарита*, Москва.
- Гончаров И.А., 2016, *Обломов*, Санкт-Петербург.
- Пастернак Б.Л., 2010, *Доктор Живаго*, Москва.
- Солженицын А.И., 2013, *Раковый корпус*, Санкт-Петербург.
- Briusow W., *Ostatnie stroniczki z dziennika kobiety* [w:] W. Briusow, 1976, *Rea Silvia i inne opowiadania*, przekł. Rene Śliwowski, Warszawa, s. 149–209.
- Bulhakow M., 1988, *Mistrz i Malgorzata*, przekł. I. Lewandowska, W. Dąbrowski, Warszawa.
- Gonczarow I., 1990, *Obłomow*, przekł. N. Drucka, Wrocław.
- Pasternak B., 1995, *Doktor Żywago*, przekł. E. Rojewska-Olejarczuk, Warszawa.
- Sołżenicyn A., 1993, *Oddział chorych na raka*, przekł. M.B. Jagiełło, Warszawa.

¹⁰ В одном контексте слово *страх* не выполняет предикативной функции [9], однако более широкий контекст свидетельствует о переживании героем этой негативной эмоции.

Библиография

- Апресян В.Ю., 2010, *Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке*, «Русский язык в научном освещении», №2(20), Москва, с. 26–57.
- Брицын В.М., 1990, *Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке*, Киев.
- Вежбицка А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва.
- Гак В.Г., 1997, *Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста*, „Вестник Московского университета”. Серия 9. Филология, № 3, Москва, с. 87–95.
- Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А., 1989, *Интерпретация художественного текста. Учебное пособие для педагогических институтов*, Москва.
- Изард К.Э., 1999, *Психология эмоций*, Санкт-Петербург.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва.
- Цейтлин С.Н., 1976, *Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика* [в:] *Синтаксис и стилистика*, ред. Г.А. Золотова, Москва, с. 161–181.
- Borek M., 2012, *Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach: aspekt lingwistyczny*, Katowice.
- Mocarz M., 2005, *Predykatywy leksykalne w konfrontacji przekładowej*, Lublin.
- Nowakowska-Kempna I., 1995, *Konceptualizacja uczuć w języku polskim*, Warszawa.
- Spagińska-Pruszk A., 2005, *Język emocji: studium leksykalno-semantyczne rzeczownika w języku polskim, rosyjskim i serbsko-chorwackim*, Łask.
- Wierzbicka A., 1971, *Kocha, lubi, szanuje: medytacje semantyczne*, Warszawa.

Словари

- Большой толковый словарь русского языка*, 2008, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург.
- Малый академический словарь русского языка*, <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-83623.htm>, [30.05.2017].
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, 2003, ред. Ю.Д. Апресян, Москва.
- Inny słownik języka polskiego*, 2000, red. M. Bańko, Warszawa, t. 1.
- Inny słownik języka polskiego*, 2000, red. M. Bańko, Warszawa, t. 2.
- Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, <http://sjp.pwn.pl/doroszewski/straszenie; 5501419.html>, [04.01.2017].
- Wielki słownik rosyjsko-polski*, 2015a, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa.
- Wielki słownik polsko-rosyjski*, 2015b, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa.

WORDS WITH ROOT *СТРАХ* / *СТРАШ*- EXPRESSING THE EMOTION OF FEAR (ON THE MATERIAL FROM RUSSIAN LITERARY TEXTS AND THEIR POLISH TRANSLATIONS)

Summary

The article presents linguistic ways of expressing fear in Russian literature. We discuss Russian sentences containing lexemes *страх*, *страшный*, *страшно*. We compare Polish equivalents to the original sentences.

Key words: fear, expressing emotions, Russian, Polish